

ПРИГОВОРЕННЫЙ

МИХАЙЛОВА ВИКТОРИЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

На самом деле Босс любит студентов. Как преподавателю ему цены нет. Но он человек старой закалки. Начиная работать, когда ещё седьмой айфон был в моде, где-то в начале века. Трудился в каком-то американском институте, говорят, даже самого Хокинга застал. Так что ему есть, с кем меня сравнить. И сам он по всем показателям гений, даже с какой-то маньякальной шизой и официальным диагнозом. Кажется, что он ненавидит именно меня, но на самом деле Босс всех считает имбецилами. И в чем-то он прав. Чтобы работать на «аппарате времени Хокинга», ходить в прошлое, безнаказанно переключать там предметы и давить бабочек, нужно не просто знать физику. Там дышать нужно по секундомеру.

На самом деле Босс любит студентов. Как преподавателю ему цены нет. Но он человек старой закалки. Начиная работать, когда ещё седьмой айфон был в моде, где-то в начале века. Трудился в каком-то американском институте, говорят, даже самого Хокинга застал. Так что ему есть, с кем меня сравнить. И сам он по всем показателям гений, даже с какой-то маньякальной шизой и официальным диагнозом. Кажется, что он ненавидит именно меня, но на самом деле Босс всех считает имбецилами. И в чем-то он прав. Чтобы работать на «аппарате времени Хокинга», ходить в прошлое, безнаказанно переключать там предметы и давить бабочек, нужно не просто знать физику. Там дышать нужно по секундомеру.

На самом деле Босс любит студентов. Как преподавателю ему цены нет. Но он человек старой закалки. Начиная работать, когда ещё седьмой айфон был в моде, где-то в начале века. Трудился в каком-то американском институте, говорят, даже самого Хокинга застал. Так что ему есть, с кем меня сравнить. И сам он по всем показателям гений, даже с какой-то маньякальной шизой и официальным диагнозом. Кажется, что он ненавидит именно меня, но на самом деле Босс всех считает имбецилами. И в чем-то он прав. Чтобы работать на «аппарате времени Хокинга», ходить в прошлое, безнаказанно переключать там предметы и давить бабочек, нужно не просто знать физику. Там дышать нужно по секундомеру.

НОВИНКА

меня сравнить. И сам он по всем показателям гений, даже с какой-то маньякальной шизой и официальным диагнозом. Кажется, что он ненавидит именно меня, но на самом деле Босс всех считает имбецилами. И в чем-то он прав. Чтобы работать на «аппарате времени Хокинга», ходить в прошлое, безнаказанно переключать там предметы и давить бабочек, нужно не просто знать физику. Там дышать нужно по секундомеру.

На самом деле Босс любит студентов. Как преподавателю ему цены нет. Но он человек старой закалки. Начиная работать, когда ещё седьмой айфон был в моде, где-то в начале века. Трудился в каком-то американском институте, говорят, даже самого Хокинга застал. Так что ему есть, с кем меня сравнить. И сам он по всем показателям гений, даже с какой-то маньякальной шизой и официальным диагнозом. Кажется, что он ненавидит именно меня, но на самом деле Босс всех считает имбецилами. И в чем-то он прав. Чтобы работать на «аппарате времени Хокинга», ходить в прошлое, безнаказанно переключать там предметы и давить бабочек, нужно не просто знать физику. Там дышать нужно по секундомеру.

Виктория Михайлова

Приговоренный

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Михайлова В. В.

Приговоренный / В. В. Михайлова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Какой будет наша страна через пять десятков лет? Мир меняется, и мы постепенно меняемся вместе с ним. Наши дети и внуки построят для себя новую реальность, где человек так же смертен, и так же может ошибиться. Но это не беда. Ведь все можно исправить. Стоит только запустить самую обыкновенную машину времени. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Моя семья	5
Дом купца Ипатьева	8
Не та профессия	10
Автостопщики	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Виктория Михайлова

Приговоренный

Моя семья

– Сдал? – донесся из соседней туалетной кабинки голос моего сокурсника Аликбека.

– Не-а, – буркнул я, тупо разглядывая одну и ту же попадающуюся на глаза надпись. На дворе конец века, а люди все ещё пишут маркерами на стенах общественных уборных!

– Да чего там физику не сдать?! – возмутился приглушенный пластиковой перегородкой голос.

– «Босс» меня дискриминирует, – пытаюсь застегнуть джинсы одной рукой, буркнул я, – потому что гомофоб.

– НАГЛАЯ ЛОЖЬ! – раздалось с другой стороны. Я подскочил от неожиданности.

Боз Орашевич, мой преподаватель по физике, которого все зовут «Босс» не только за созвучное имя, дождался меня у зеркала. Аккуратный и невысокий, он внимательно разглядывал себя в огромном зеркале. Как и многие таджики, он выглядел так, что невозможно было определить его возраст. В меру глубокие морщины у него уже появились, но было их немного. А седых волос вообще не наблюдалось. Профессор достал из нагрудного кармана маленькую расческу, провел по волосам и, придирчиво оглядев себя в последний раз, повернулся ко мне.

– Вы не можете сдать зачет, – спокойно сообщил Босс, – потому что вы, Владимир Ильич, имбецил. И ваши родители тут совершенно ни при чем. Даже вы должны это понимать.

– Просто я гуманитарий, – я тоже подошел и притулился рядом.

– Так и поступали бы на геофак, – развел руками Босс. – Зачем вы мучаете себя, меня и ваших УВАЖАЕМЫХ родителей? Что навело вас на мысль, что вы должны стать историком? Это же адский труд! Нужен определенный склад ума, если вы не готовы осесть на веки вечные где-нибудь в провинциальном архиве. Тут и физика, и высшая математика. И сопромат. А вы, извините, с первого курса по моему предмету филоните. Читением книг можно было обойтись раньше, лет эдак сто назад.

– Я ему помогу, – к зеркалу с другой стороны подошел Аликбек, – это ж физика! Там же все на поверхности!

– А на работу вы вместе устроитесь? – сурово осведомился Босс, – будете за своего друга на кнопки нажимать. И на «точку» с ним пойдете?

Мой приятель потупился. Как и все «восточные» парни, он уважал стариков, профессоров и правила. Хоть и родился в Питере, и даже родители его, узбеки по национальности, тоже были коренными жителями культурной столицы. Я у них дома редко бываю. Они меня не то, чтобы не любят. Просто относятся с осторожностью. Но дружить со мной сыну не запретили. Что ни говори, а родики у Альки вежливые, терпимые и очень добрые люди.

На самом деле Босс любит студентов. Как преподавателю ему цены нет. Но он человек старой закалки. Начинал работать, когда ещё седьмой айфон был в моде, где-то в начале века. Трудился в каком-то американском институте, говорят, даже самого Хокинга застал. Так что ему есть, с кем меня сравнить. И сам он по всем показателям гений, даже с какой-то маньякальной шизой и официальным диагнозом. Кажется, что он ненавидит именно меня, но на самом деле Босс всех считает имбецилами. И в чем-то он прав. Чтобы работать на «аппарате времени Хокинга», ходить в прошлое, безнаказанно перекладывать там предметы и давить бабочек, нужно не просто знать физику. Там дышать нужно по секундомеру.

– Ну, вот что, – Босс тяжело вздохнул и вручил мне белую пластиковую «входную» карточку, – две недели вам на подготовку. Берите в помощь кого хотите и учите. Учите БЕЗОСТО-

НОВОЧНО!!! На совесть. Чтобы я вас ночью разбудил и вы мне без посторонней помощи объяснили, как работает «аппарат Хокинга». Вы меня поняли?

Мы с Алькой неистово закивали.

Давайте знакомиться. Зовут меня Владимир Ильич Захаров. Я студент-историк. Учусь в Питерском государственном универе на истфаке. Ну, учусь, это громко сказано. Я стараюсь изо всех сил. Не сплю ночами, зубрю и надрываюсь. Это Аликбек «учится». Вечером лекции перечитал, и наутро уже в реакторе без подсказки ковыряется. А я не учусь, я вкалываю. Хотя, возможно, причина всему моя трудоголия. «Папочка» меня всегда так утешает. Я везде выкладываюсь. В детском саду, в школе, в институте и в спортзале. Встаю рано, ложусь поздно. И чтобы чувствовать себя хорошо, мне все время нужно быть чем-то занятым. Выходные меня не то чтобы не интересуют. Просто я чувствую острую потерю времени, когда ничего не делаю.

Быть может, вы подумали, что моего «папочку» зовут Илья Захаров? А вот и нет. Семья наша нестандартная. Отцов у меня двое, а мамы вообще нет. Вернее, биологическая мать где-то есть. Не из пробирки же я появился. Но с нами она не живет. Папы взяли меня в детском доме. Это было давно, почти двадцать лет назад. Тогда однополые браки в России уже регистрировали, а вот детей им усыновлять пока не позволяли. «Папочка» говорит, что сперва им вместо ребенка установили приложение на телефон и понаставили по всему дому видеокамер. Проверить, спрячутся они или нет. Прежде, чем выдать двум людям с высшим образованием и не хилыми зарплатами сироту на руки, их заставили помыкаться по инстанциям. И везде доказывать, что они не маньяки и не педофилы. Что ребенка берут не для того, чтобы разобрать на органы. Мои отцы одни из немногих, у кого все получилось. Хотя мы втроем порядочно натерпелись, а самое страшное слово из моего детства это «опека». Мне скоро двадцать, а я все ещё вздрагиваю, когда вижу людей в форме службы соцобеспечения.

Анкетные данные усыновленного ребенка моим отцам поменять не дали. Я так и остался Владимиром Ильичом, как меня записала биологическая мать, оставляя в доме малютки. Это делается для того, чтобы женщина, когда созреет, смогла бы легко свое оставленное в роддоме чадо найти. Хотя ослу понятно, что за девятнадцать лет времени у неё было предостаточно. Когда я был маленький, ждал, что мама вернется за мной. А сейчас даже рад, что она меня тогда оставила. Отцы у меня замечательные. Один шумный, нервный ипохондрик, а второй – злой и веселый пофигист. Словом, очень разные. Иногда непонятно, как эти двое вообще поженились. Я их делю на «папочку» и «батю».

«Папочка» хирург-офтальмолог. Не то чтобы знаменитый, но известный. Елисей Святославович Кромской. Коренной петербуржец в сорок-лохматом поколении. Любит французское вино, печеных улиток, маленькие пирожные. Принципиально не ходит в кино, и телевизор не смотрит. А косметики у него больше, чем у любой из моих сокурсниц. Папочка говорит, что работая с людьми, нужно всегда выглядеть хорошо. Он же глаза лечит. Можно сказать людям в душу каждый день заглядывает. Ещё папочка страдает ипохондрией. Хотя, это мы с батей от его ипохондрии страдаем, а сам он наслаждается. Аптечка у нас в доме рассчитана на длительную осаду чумного города. В ней четыре (!!!!) вида градусников. Аспирин – это для слабых. Мы лечимся только тем, о чем пишут ведущие медицинские журналы. Батя над Папочкой все время смеется, и называет его «специалистом по правой ноздре». Потому, что в левой тот ориентируется значительно хуже, а нос в целом для него и вовсе загадка.

Пожалуй, у моих родителей нет ничего общего, кроме затейливых имен. Тогда пошла мода на все старославянское. «Батя» – Братислав Святогорович Остапчук, познакомился с будущим мужем в армии. Он служил в спецназе, а папочка проходил альтернативную службу санитаром в медсанбате. «Батя» – потомственный милиционер. Этим все сказано. Он любит пиво и может запросто закусывать его магазинными сухарями. Человек он строгий, даже жесткий. Говорит мало, и обычно его слово душит любую начавшуюся дискуссию в зародыше. Дед и бабка с его стороны такие же милахи. А прабабушка и вовсе сорок лет отработала в колонии

строного режима. Слов нет, как они все «рады», что сынок встретил «папочку». Когда наступает его очередь готовить, мы дружно наживаем себе панкреатит и гастрит на «мусорной еде». Зато его трудами я не курю, не пью, и не ругаюсь матом. Но как вы думаете, кого из них двоих я сильнее боюсь?

– Мне конец, – выдохнул я, пряча пластиковый ключ в сумку, – папочка меня загрызет.

– Спокуха! – Алька ухватил меня за рукав, и поволок к двери, – лучше один раз увидеть чем две недели слушать. Пошли. Я сейчас тебя с таким человеком познакомлю!

Дом купца Ипатьева

«Такого человека» звали Коловрат Вавилович Санаев. Преподавал он прикладную механику, но образование имел историческое. Выглядел профессор Санаев отвратительно. Всем своим видом он подчеркивал непричастность к моде, гигиене и общественному мнению. Джинсы болтались на нем мешком, свитер был из того мешка сделан, а кроссовки, стоптанные и запыленные, на первый взгляд выглядели, как разные. И, кажется, оба левые.

– Значит так, – мужчина выпустил мне в лицо струю ароматного дыма из облупившегося старенького вейпа, – на «точке» не триндеть. Людям, буде, такие встретятся, в глаза не смотреть. Руки держи в карманах. А лучше пойдешь, поройся в горшке с цветком.

– Зачем? – удивился я. Но к подоконнику все-таки подошел, и даже сухую землю пальцем потрогал.

– Затем, – спокойно объяснил Коловрат Вавилович, – что чистые ногти раньше были делом буржуев. А за твою новомодную стрижку, да чистые волосы, там и застрелить могут. Ты уверен, что хочешь выйти на «точку»?

Конечно хочу! Да я ради этого третий год носом землю рою! Ночами в библиотеке копаюсь. Хорошо, что сейчас можно в любом университете мира книги прямо через интернет читать. Иначе пришлось бы мне по миру помотаться. Как и все мои ровесники, я сейчас был уверен, что знаю о Великой Октябрьской революции все. А про расстрел царской семьи могу хоть сейчас написать три, нет, ПЯТЬ дипломов!

– Ну-ну, – апатично кивнул Коловрат Вавилович.

Он подошел к шкафу, достал оттуда обычную картонную коробку, из тех, в которых продают обувь. Внутри оказались жестяные банки с чем-то вонючим.

– Чего застыл? – буркнул он, обильно набирая пальцем какой-то желтой мази из полупустой жестянки, – разблачайся!

Я окинул взглядом содержимое гардероба. Грязные, залатанные как попало вещи лежали на дне шкафа, висели на гвоздях. Вешалок, и даже перекладина, на которой они могли бы висеть, в шкафу не было. Профессор мотнул головой в сторону стоптанных сапог. В комплекте к ним шли холщевые штаны, покрытая коричневыми пятнами мягкая косоворотка, и почему-то кожаная куртка с алым тряпичным бантом на лацкане. Прежде, чем позволить мне водрузить на голову потертый картуз, профессор Санаев щедро смазал мои волосы каким-то жиром.

– Вазелин, – бросил он в ответ на мое возмущенное шипение.

Стало понятно, что это в его глазах были исчерпывающие объяснения. Я тяжело вздохнул и поглядел на себя в запыленное зеркало. Вот оно, лицо моей будущей профессии! Огромный детина, с месяц невымытой головой, втиснутый в поношенную одежду с чужого плеча.

– На, – вместо объяснений, профессор сунул мне в рот какую-то кислую таблетку. И через минуту мои зубы имели вид прокуренных кариозных обломков, – все, что куришь, оставляй тут. На «точку» можно брать только самокрутки.

Я заверил его, что не курю. И через полчаса мы вдвоем уже стояли возле «реактора». Профессор выглядел, как бандит с большой дороги. В такой же кожаной куртке, суконных портках, и застиранной крестьянской рубахе под кожанкой. Только на поясе у него болталась черная кожаная кобура. А на художественно состаренных зубах тускло выделялась металлическая коронка. По-хорошему, реактор нужно называть «машиной времени». Но из уважения к создателю этот аппарат так и называли, «Аппарат времени Хокинга». В будущее он не возит, только в прошлое, и обратно. Откуда выехал, туда и возвращаешься. Да и в пространстве реактор никого не перемещает. Доберешься до места, а там уже своим ходом. Поэтому специалисты и называют это «точкой». А еще все машины время от времени ломаются. Поэтому историку сейчас и нужна физика, сопромат и высшая математика. В прошлом ты как в космосе. Сам

сломал, сам и ремонтируй. И если не починишь, никто тебя не спасет. У меня предательски задрожали коленки.

Сюда, в лес под самым Екатеринбургом, мы на такси приехали. А до города я на самолете добрался, даже проголодаться не успел. Это проще чем трястись на телеге по раздолбанным дорогам, как объяснил мне профессор Санаев. В этом вопросе я ему полностью доверял. Родителям я наврал, что на практику поехал. Хотя чего наврал-то? Много кто из студентов-треккурсников на «точку» выезжает. Другой вопрос, что меня сюда Аликбек привел по своему пропуску. И если что случится, его из института попрут. Тут же в голову полезли разные мерзкие мысли. Не зря, ой не зря реактор при жизни изобретателя засекречен был! В студенческой среде ходили разные страшилки про оставшихся и оставленных, разорванных при перемещении и погибших при исполнении сотрудниками всевозможных малоизвестных институтов прикладной истории. Я в последний раз глянул на Коловрата. Он невозмутимо курил махорку.

А вот к дому купца Ипатьева, переселенного со всей семьей на дачу, предстояло идти пешком. Подметка от моего сапога почти сразу же оторвалась, и пришлось её подвязать веревкой, любезно предоставленной профессором Санаевым. И пока мы шли по утренним улицам города, я видел, что у многих встреченных нами тоже были драные сапоги, поношенные лапти, а двое мрачных, тощих мальчишек, кативших тележку с огромной бочкой воды, были вообще босиком. Город был на осадном положении, народу на улицах было мало, а те, кого дела все же выгнали в такую рань из дома, спешили поскорее убраться с улицы. Отчетливо слышались тихие глухие раскаты. Где-то стреляли из больших орудий. У ворот стояли две одетые в черное старухи. Одна принесла с собой ведро с тряпками, а вторая держала корзину с какой-то снедью. Коловрат остановился рядом, а я уставился на забор. Поверх стальных прутьев, или из чего там у купца Ипатьева была сколочена ограда, были прикрученные обычной проволокой доски. Никаких просветов между ними не наблюдалось. Все было сделано криво, но крепко.

Женщины оказались монахинями из ближайшего монастыря. Они опасливо косились на нас, но не уходили. А я не знал, куда девать глаза. Руки у меня дрожали, и мне казалось, что это всем заметно. Из-за забора слышался визгливый собачий лай. Наконец, калитка, тюнингованная грубо обструганными досками, приоткрылась, и в щель высунулось небритое тревожное лицо. Мужчина глянул на монахинь, на Коловрата, и долго разглядывал меня. А я стоял, и думал, что надо было послушать Босса, и валить ко всем чертям с исторического факультета. Но тут мужчина что-то проворчал, и нас впустили во двор.

Двор был огромный, но весь какой-то захламленный. Доски, колотые дрова и какие-то хозяйственные инструменты лежали почти у самой калитки. Тут же стояла чья-то тощая лошадь. Телега, которую она, судя по всему, тащила, перегораживала двор посередине, отделяя дом от ворот, намертво заколоченных. По двору с лаем носился нечесаный спаниель. Окна в доме тоже были забиты досками, но уже похуже. Здесь строители меньше старались, а на втором этаже три окна вообще оставили открытыми. Оттуда кто-то выглядывал, но я не стал всматриваться. Все-таки, я здесь человек новый, чужой. Не мудрено, что меня разглядывают.

Открывший калитку мужчина сделал нам знак идти за ним следом. Монахини молча потопали к дверям. Коловрат Вавилович дернул меня за рукав, и я, опустив голову, втиснулся вслед за ним в открытую лишь на половину дверь. В передней было темно. Свет сюда проникал через щели между досками, но его не хватало. Женщины ушли куда-то вверх, а нас с профессором сопроводили в другую сторону. Мы спустились по лестнице, и, пройдя узким коридором, остановились у небрежно побеленной стены в комнате с низким потолком. Тут было всего одно оконце, прикрытое красивой решеткой, но света от него было чуть. В комнате заметно воняло плесенью.

– Вот тут все и произойдет, – выдохнул Коловрат, когда мы остались одни, – через два дня.

Не та профессия

– А ты молодец, – похвалил меня Коловрат Вавилович, – держись. На «точке» всякое случается. От меня, бывало, студенты в лес убегали.

– Зачем? – язык ворочался с трудом. Навалилась какая-то тоска и страшно не хотелось дальше оставаться в этом подвале. Мы стояли у стены, и я не мог отделаться от мысли, что для меня тоже нет отсюда выхода.

– Со страху, – охотно пояснил профессор, оправляя и без того тесно сидящую кожанку, – я, вот, уже не первый раз на этом расстреле присутствую. А страшно до сих пор.

– Можно не смотреть? – тихо спросил я.

– Можно, – разрешил Коловрат, – если ты техником потом работать собираешься, или в архиве сидеть. У прикладной истории своя специфика. Думаешь, мне девчонок этих не жалко? Мальчишка щегол совсем! Но список расстрельной команды, представленной Юровским в ЧК, не подтвердился. Кто в тот день болен был, а кого вовсе в городе не было. И моя работа с каждым здесь переговорить и узнать хотя бы фамилии. Потом-то я их легко в подвале опознаю. Мы же не в суде. Нам не важно, кто прав, а кто виноват. Историку важны только документы.

Среди охранников опального царя было много тех, кто не говорил по-русски. И пока профессор Санаев с каждым из них курил и неспешно беседовал, я отправился на поиски туалета. Последний обнаружился на втором этаже. Запах здесь стоял отвратительный. Монахини, приходившие в том числе и помыть полы у арестованных, ушли, не заглянувши в эту маленькую комнатку. Над белым унитазом, сплошь покрытом желтыми подтеками, красовалась написанная ровным красивым почерком записка, пришпиленная к стене обычной булавкой.

«Просьба стул оставлять в том же виде, в каком вы его нашли».

Я вздохнул. Меня, как историка, должна волновать каждая мелочь. Эта грязная уборная, оставленная на стене записка. Даже булавка. Мне должно быть интересно, какой ногой Николай второй заступил за порог в ночь своего расстрела. Успела ли его жена сделать прическу, и задела ли голова наследника, которого несли на руках, об стены. Но я не должен думать о том, что они чувствовали, спускаясь в подвал. Знают ли они сейчас, сидя в двух отведенных им комнатках, что приговор уже вынесен? И насколько больно, когда тебя, лежащего раненым на полу, добивают штыком.

Я обернулся и вздрогнул. Прямо у меня за спиной стояла девушка. Царевна Ольга Николаевна. Несмотря на то, что я видел её на фотографиях сотни раз и во многих ракурсах, сейчас я узнал её с трудом. Её русые волосы были неровно острижены. С одной стороны они уже успели отрасти и касались плеча, а другая сторона немного «отставала». Ольга была бледная, с плотно сжатыми губами. Выглядела она уставшей и была вся черная. Я потом ещё долго вспоминал, где же видел такие же ввалившиеся глаза. И только через несколько часов память соизволила выбросить похожий портрет. Голодные жительницы Ленинграда на строительстве оборонительных сооружений. И как же погано мне тогда стало! Одно дело знать, что где-то на другом континенте люди голодают. И совсем другое смотреть голодающему человеку в глаза, не имея возможности помочь. Всё-таки, я неправильно выбрал профессию.

Весь день мы с профессором Коловратом тупо просидели во дворе. Вернее, я сидел, не зная, куда себя деть. А профессиональный историк работал. Он ничего не записывал. На исследуемую территорию нельзя внести ни одной лишней нитки. Приходилось запоминать. Мне однажды рассказывали, как на слете питерских «викингов» парень пошел отлить в ближайшие кусты. Справляя нужду, переодетый скандинавом человек начал понимать, что куда-то проваливается. Оказалось, что он в темноте зашел на какой-то болотный топляк, и сейчас медленно, но верно погружается с ним на дно. И едва он это понял, тут же начал доставать и отбрасывать от себя подальше современные предметы: стеклянную бутылку, между прочим, с недопитым

пивом! Очки, мобильный телефон. Он просто не хотел, чтобы возле найденного археологами трупа, обнаружались не свойственные эпохе объекты материальной культуры.

В лесу, возле оврага, где в одном из склонов тщательно запрятан реактор, есть схрон. Там лежат инструменты и кое-какие материалы, на случай поломки. Из тех, которых ещё нету в мире. Находятся они в герметичной капсуле вместе с микропаяльником, лазерным резаком, какими-то схемами для инженеров, несколькими уже собранными платами. А рядом всегда есть записка на нескольких языках. Историки заботятся о будущем. О себе они думают куда меньше. В схроне есть пара банок консервов, которые можно открыть без ножа. На всякий случай нож, сухие носки. Но этого пакета с «удобствами» может не быть. В голодном Екатеринбурге сейчас нет возможности обновить продовольственный запас. А из современного города мы с собой ничего не привезли, торопились.

Уже стемнело, когда нас позвали ночевать в дом напротив. В караульном помещении все были русские. Коловрат немедленно пустился в какие-то долгие переговоры. Отвечали ему охотно. Все устали, всем хотелось излить душу. Я же места себе не находил. Нас накормили жидким супом, и дали по куску такого сухого хлеба, что он казался сделанным из опилок. Но за весь день я ни разу не видел, чтобы приговоренным отнесли хотя бы краюху такого же сухого, ужасного хлеба. Вся их еда сегодня состояла из каких-то монастырских запасов, уместившихся в одной небольшой корзине. А ведь в доме содержат двенадцать человек! Осторожно спрятав свой «ужин» за пазуху, я выскользнул за ворота, и направился к бывшим купеческим хоромам. Моего побега никто не заметил. В доме Ипатьева горел тусклый свет в тех трех окнах, которые не были забиты досками. Во дворе же было темно, хоть глаз выколи. Ближайшие несколько фонарей оказались разбиты. Возможно, специально. За ворота я прошел без особых затруднений, предложив стоявшему на часах румыну разделить ужин с остальными. Кроме соблазнившегося жидкой похлебкой охранника во дворе ещё кто-то был. Два человека, которых в темноте не было видно, курили и тихо беседовал. Я присел за телегой и прислушался.

– Да у меня самого трое! – шептал какой-то мужчина, – не могу, поймите!

– Николай Александрович готов на все, – уговаривал его собеседник, – коллега! Я прошу вас! Хотя бы мальчика!

– Да что я остальным-то скажу? – хрипло возражал первый голос.

– У нас есть бриллианты, – шепот стал тише, – у девушек в корсетах защиты. Об этом никто не знает. Заберите себе все, разделите с другими.

– Товарищ Боткин! – вскинулся обладатель хриплого шепота, – в стране голод! Я все найденные ценности сдам по описи в ЧК тотчас же после расстрела.

– Гос... товарищ Юровский, – доктор Боткин заговорил настолько тихо, что я почти перестал его слышать, – вы же добрый человек. Вы мальчика-поваренка спасли. Это же чудовищное преступление убивать детей. Алеша сыну вашему ровесник. Вы бы выстрелили в своего сына? А если бы кто-то собирался в него стрелять, неужто не попытались бы помешать?

– Чтобы вам за себя не попросить? – желчно, но уже решившись на что-то, спросил Юровский.

– Это ЕГО последняя просьба, – вздохнул лейб-медик, – в таком не отказывают.

Всю ночь я глаз не сомкнул. Днем профессор Санаев настоял, чтобы я хорошенько выспался, но я был, как в лихорадке. И все высматривал на дворе Юровского. Все известные мне фотографии и даже какой-то криво написанный портрет никак не отражали действительности. Ну не передают фотографические карточки всего ужаса в глазах у людей, которым ночью предстоит убивать беззащитных. Сперва я думал, что легко опознаю царевулицу по звериному блеску в глазах, по яростной готовности расправиться с врагами революции. На худой конец, по внушительным усам. Как бы не так! Усатыми были все поголовно. А злым блеском глаз меня одаривал лишь лохматый песик царевича, которому из-за тесноты не позволяли оставаться со своим хозяином в комнате. Спаниель тосковал, и весь день скреб вход-

ную дверь в надежде пробиться «домой». Я подумал, что пес попросту голоден. Достал свой запас, и протянул собаке кусок окончательно зачерствевшего хлеба. Но тот подачку не взял. Пришлось оставить еду на земле. А самому присесть в отдалении, на поленнице. Сон пришел быстро и незаметно.

Проснулся я глубокой ночью. От непривычки спать сидя у меня свело спину. Ноги тоже затекли. Картуз я нашел на земле. Пока я спал, он скатился с моих сальных волос, и мне пришлось порядком испачкать руки, пока я не наткнулся на него. Рядом с поленницей, послужившей мне походным лежаком, стояла пара поношенных, но целых сапог. В темноте я не сразу сообразил, что это вообще такое. Голенища были мне тесноваты, но размер подошел. Сапоги были мягкие, хорошо разношенные. Подошва у них оказалась хорошая, не скользкая. Но вот с найденной внутри левого сапога бумажкой пришлось отправляться в дом. Прочсть записку здесь не было никакой возможности. Я втиснулся в узкую дверь, и отвернувшись к еле теплящейся свечке, накрытой обычной стеклянной банкой с выбитым дном, прочел:

«Вам нужнее. Носите на здоровье. Спасибо за хлеб для Джоя».

В это время где-то наверху стукнула дверь, и послышались шаги нескольких человек. Я заметался, не зная, как выбраться незамеченным. В конце концов я юркнул в угол у самой двери, и затаился в тени. Если меня о чем-то спросят, прикинусь дурачком. Мимо меня прошли трое мужчин, потом высокая полная женщина, и несколько молодых девушек. Все они были сонные, наскоро причесанные. Сопровождавшие их охранники заметно нервничали. Прошел, не заметив меня, Коловрат Вавилович. Следом спускался высокий худой бородатый мужчина с мальчиком-подростком на руках. Узнать в нем царя было уже невозможно. Я только и видел что его сапоги. Слишком большие, свободные в голенищах. Взятые им у чужого человека, много более полного.

За царем шел, как мне показалось, Юровский. Но в полутьме я мало что различал. Я вообще старался слиться со стеной, насколько мне позволяли мои габариты. Но тут царь осторожно, как будто этот жест был у него давно отработан, сунул мне в руки мальчика. Я опешил. Ни один человек не обернулся на этот жест. Никто не замедлил шага. Все спускались в подвал, как во сне. Как будто шли за невидимым крысоловом прямо в море. К смерти. Только Юровский, поравнявшись со мною, легонько пихнул меня в бок, так, что я высадил плечом незапертую дверь, и шепнул: «Текай»

Ну, я и побежал.

Автостопщики

Бежал я недолго. Вскоре перешел на шаг, а когда понял, что никто меня не преследует, и вовсе остановился отдышаться. И только тут осознал, что направляюсь в сторону реактора. Как маленький мальчик, я бежал «домой», туда, где безопасно. Мысли путались. В тот момент я почему-то думал, что меня выпрут из универа, и я загремлю в армию на пять лет. Судя по всему, вместе с Аликбеком, чьим пропуском я воспользовался. А ведь мы планировали служить, как нормальные выпускники, год. Алька со своей красной корочкой вообще мог рассчитывать на трехмесячную альтернативную службу. Короче от меня одни проблемы. Ну, меня-то армия ничем не удивит, а вот Альку там даже девчонки бить будут, наверное. Он хлипкий. Ещё всплыла в памяти старая Батина армейская песня. Он её часто насвистывает:

– Ура! Я дурак!
Чтобы в Красной Армии служить,
Спинозой можно и не быть,
Но я такой дегенерат,
Что не годен и в стройбат.
Я писаю в простыни,
Я делаю в штаны.
Таким запахло и на час
Доверить мирный сон страны.

Царевич молча меня разглядывал. Наверное, как и я, он не знал, что сказать и не совсем отчетливо понимал, что происходит. Интересно, куда бы он делся, если бы я не стоял возле двери? Возможно, Юровский вынес бы его сам. Посадил в лесу на пенек, и оставил умирать. По уму нужно было подождать Коловрата Вавиловича. Надо думать, что за долгие годы работы у него бывало всякое. Он, конечно, уже знает, что Алексея Николаевича на расстреле не было. Я сказал «по уму»? Забудьте! Мозг подбрасывал мне какие угодно воспоминания, ненужные факты и кадры из старых фильмов. Все, кроме действительно правильного решения. И, если честно, я был в ужасе.

Дверь не открылась. И вот тут мне стало страшно по-настоящему. Особенно после того, как я с трудом спустился по скользкой от утренней росы траве на дно оврага. Ноги у меня были мокрые, штаны тоже. Руки замерзли, хотя сам я весь вспотел, пока сюда добрался с грузом на руках. Последние метров сто вообще думал, что сдохну, хотя, мальчик весил, как перышко, а через тонкую ткань его рубашки я чувствовал кости. Он тоже замерз и весь трясся. Усадив Алешу на кочку, показавшуюся мне наиболее удобной, я зашел в нору, которую сверху вообще не было видно, и попробовал открыть камеру. Прикладывал ключ к маленькой металлической плашке всеми известными способами, дул на него, тер об мокрую штанину контактную полосу. Ничего не помогало.

Это был ещё один довод в пользу армии. Специалист не стал бы соваться в сомнительную авантюру, воровать приговоренного к смерти подростка прямо с казни, а потом тащить его к себе домой. Может быть, и дома-то у меня уже нет. Кто может сказать, как я повлиял на ход истории? Что, если я приду к родителям, а они меня не узнают? Однополые браки вне закона, и они вообще не встретились. Или даже не родились! Не родился Хокинг, не изобрел аппарат времени, и я сейчас ломлюсь в пустую, не работающую дверь со своим ставшим бесполезным ключом. Тогда мы с профессором Санаевым застряли тут навсегда. Нам придется пережить ужасы революции, голод, гражданскую войну (почему-то в тот момент я был уверен, что профессор не убьет меня лично). А, если доживем, то и Великую Отечественную. Я в отчаянии пнул дверь ногой, и она подалась назад. Все-таки, я имбецил. Совсем забыл, что дверь откры-

вается ключом только там, где есть электричество. А с другой стороны она просто открывается. РУКАМИ! Босс, я всё выучу. Честное слово!

Внутри было тесно и темно. Если вдвоем и стоя, то норм. Но я втиснулся в камеру, неся на руках человека. И это странно. Можно подумать, историки никогда не бывают ранены, пьяны и их не приносят сюда без признаков жизни. С трудом повернувшись, я уцепился за ручку, и прокрутил её на один оборот. Двери с другой стороны моментально разъехались. Нам незачем прятаться. Овраг в современном мне лесу под Екатом давно снабдили лестницей. Правда, траволатора для инвалидов здесь тоже нет. Это дискриминация, конечно. Но как её преодолеть, пока никто не знает даже американцы. Хокинг сам ни разу не проходил через свой реактор, а, вернее, не проезжал. Трудно ожидать, что какие-нибудь неандертальцы у второго выхода с распростертыми объятиями встретят человека в инвалидном кресле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.